

Беляева, Е. В. Моральная составляющая исторической рефлексии / Е. В. Беляева // История. Семиотика. Культура : сб. материалов Всеросс. науч. конф. с международ. участием / отв. ред. И. В. Дёмин. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2017. – С. 13–21. – 0,5 а. л.

Беляева Е.В., Минск

канд. филос. наук, доцент кафедры философии культуры
Белорусский государственный университет

Моральная составляющая исторической рефлексии

Аннотация: Выявление моральной составляющей исторической рефлексии представляет собой методологическую проблему, которая имеет определенную структуру. Нормативно-ценностные установки морали реализуются в выборе предмета исследования, при отборе материала, его интерпретации и объяснении общего смысла истории; как в рефлексии историка над материалом, так и в рефлексии над собственными методами исследования; как в профессиональном, так и в обыденном историческом сознании. При этом сама моральная составляющая также становится предметом исторической рефлексии.

Ключевые слова: методология истории, историческая рефлексия, мораль и история.

E.V. Belyaeva, Minsk

PhD, Philosophy of Culture Department
Belarusian State University

Moral component of historical reflexion

Annotation: The identification of the moral component of historical reflection is a methodological problem that has a certain structure. Normative-value orientations of morality are realized in the choice of the subject of research, in the selection of material, its interpretation and explanation of the general meaning of history; as in the historian's reflection on the material, and in reflection on his own methods of investigation; both in professional and in ordinary historical consciousness. In this case, the moral component itself also becomes the subject of historical reflection.

Keywords: methodology of history, historical reflection, morality and history.

Тема «история и мораль» обширна, давно и широко обсуждаема. О ее актуальности и злободневности свидетельствует множество современных публикаций [1; 3; 9; 10]. Главная антиномия в соотношении морали и истории строится в соответствии с выражением «казнить нельзя помиловать»: с одной стороны, в историческом исследовании нельзя руководствоваться

нравственными критериями, это искажает объективность и научность исторического знания; с другой стороны, поскольку историю делают и пишут люди, то нравственность является неотъемлемой составляющей, как самого исторического процесса, так и его рефлексии. Как моральная ангажированность, так и моральное равнодушие историка делают его занятие бессмысленным, «принцип ценностного отношения необходим для поддержания историей своего социального статуса и выполнения ею функций социальной памяти и воспитательной» [6, с. 48]. Соответственно, осмысление и осмысливание моральной составляющей исторической рефлексии является чрезвычайно важным и перманентным процессом. Как отмечает Б. Г. Могильницкий в терминологическом словаре 2014 г.: «Методология истории обязательно включает в круг своих оснований морально-нравственную компоненту: профессионализм историка неотделим от его нравственности, они взаимодополняемы» [4, с. 274]. Между тем, характер этой дополнительности остается предметом полемики, в которой выявляется структура проблемы соотношения истории и морали.

Определенную трудность при постановке и решении данной методологической проблемы представляет определение ее дисциплинарной принадлежности. Историки обсуждают ее как внутреннюю для исторического знания. В то же время любая трактовка соотношения истории и морали как феноменов опирается на одну из концепций философии истории. И, наконец, этика, которая считает анализ морали своей прерогативой, переформулирует проблему «история и мораль» в проблему «мораль и история». Обладая собственным понятийно-категориальным аппаратом, в рамках широкой проблемы аксиологического подхода к истории, этика ставит вопрос о том, имеет ли взаимодействие морали и истории специфику по сравнению с другими аксиологическими аспектами исторического процесса.

Следующее, что требует уточнения, это значение термина «историческая рефлексия», который определенным образом трактует природу исторического познания. Рефлексия предполагает прояснение научным исследованием своих (часто неявных) предпосылок, и современное историческое знание с его повышенным вниманием к методологическим проблемам, безусловно, рефлексивно. А. В. Лубский, анализируя различные модели исторического исследования, пишет: «синтезируя различные подходы к пониманию рефлексии, можно утверждать, что в историческом познании она направлена, с одной стороны, на осмысление историком своих собственных исследовательских действий (внутренняя рефлексия), с другой – на осмысление исследовательских действий самого историка, представляя собой как бы рефлексии над рефлексией (внешняя рефлексия) [2, с. 31]. Оба вида рефлексии имеют моральную составляющую, роль которой необходимо выявлять.

Применительно к «внутренней» рефлексии моральная составляющая – это те ценностные конструктивные установки, которые историк реализует в конкретном исследовании, ставя и решая научные задачи. Л. П. Репина считает, что «в целом можно определить три группы факторов, имеющих социально-

культурную обусловленность и определяющих отношение историка к прошлому: научные концепции социального развития, которыми исследователь руководствуется при отборе, анализе и истолковании исторических фактов; политические и идеологические принципы устройства общества, которые исследователь воспринимает как точку отсчета в своем восприятии прошлого; личные мировоззренческие и идеологические убеждения исследователя» [8, с. 25]. Все эти группы факторов имеют моральную составляющую. Во-первых, научные концепции социального развития (например, концепция общественно-экономических формаций или концепция модернизации) содержат представления о роли нравственности в социальных процессах и таким образом задают критерии, на основе которых историк вычленяет исторические факты. Во-вторых, на восприятие прошлого влияют не только политические и идеологические принципы общества, к которому принадлежит историк, но и тип нравственности данного общества, особенности его нормативно-ценностной системы. В-третьих, в число личных мировоззренческих убеждений исследователя с необходимостью входят его нравственные убеждения.

Рефлексия или неотрефлексированность моральной составляющей исходных предпосылок сказывается не только в повседневном историческом дискурсе, но и в профессиональной литературе. Даже сам предмет исследования выделяется на основе нравственной позиции исследователя или моральных ориентаций общества. Законная гордость сообщества за свои достижения придает историческое значение событиям, которые в общемировом контексте могут казаться незначительными. Или, наоборот, исторические факты отбираются на основании нравственного негодования из-за расхождения исторического сущего с тем должным, которое содержится в моральных убеждениях сообщества. В результате предметом внимания становятся негативно окрашенные исторические события, исследования концентрируются вокруг исторических обид, задавая способы интерпретации материала. Происходит специфическая «моральная фальсификация истории»: придание ей моралистического смысла, приписывание добрых и дурных намерений людям прошлого, убеждение, что исторические события происходят именно на основе моральных или аморальных намерений. (Так победа в войне трактуется как результат морального превосходства победивших. Так голодомор, охвативший ряд регионов СССР в результате проводимой сельскохозяйственной политики, рассматривается украинскими историками как злонамеренное деяние именно по отношению к украинскому народу. Так искренний верующий интерпретирует любые притеснения своей церкви как мотивированные безнравственностью гонителей, а не борьбой интересов различных социальных сил).

Не удивительно, что для внешнего, не вовлеченного в конфликт наблюдателя, такой подход выглядит неприемлемым, формируется убеждение, что «к прошлой истории человечества нельзя подходить с позиции морали» [1, с. 5]. Как пишет И. А. Гобозов, «историю надо излагать объективно и беспристрастно, любой факт следует рассматривать в контексте эпохи, а не в

контексте современности. Нельзя осовременивать историю. Нельзя к ней подходить с позиций современности, с позиций моральных ценностей». [1, с. 11]. Между тем, в этих вопросах каждый «видит соринку в чужом глазу», не замечая собственной беспристрастной позиции. Якобы объективное рассмотрение поступков исторических субъектов с позиции «социальных интересов» на деле приводит к косвенному оправданию их действий и даже к обоснованию критериев нравственности на основе этих интересов.

Между тем исторические деятели являются целостными личностями и в своих поступках руководствуются, как интересами, так и ценностями, как прагматикой, так и своими моральными убеждениями. Сведение истории к политической истории давно себя изжило, и поворот от социальной истории к истории социокультурной стал все более явным [7, с. 54–63]. Поэтому историческое исследование должно включать в себя и исследование истории нравственности. Знание исторической природы моральных ценностей препятствует их абсолютизации и суду над историей с современных моральных позиций. В то же время, историческое исследование сопоставляет нравственные представления прошлого и настоящего, препятствуя современному моральному сознанию замыкаться в собственном превосходстве, позволяет мыслить «общечеловеческие ценности» не как монологически составленный список, а как полифоническую композицию морального опыта человечества. История нравственности должна рассматриваться как составляющая рефлексии историка по отношению к любому материалу. Более того, поскольку исторический деятель и моральный субъект – это один и тот же человек, а исторические события – результат не автоматических, а сознательно избираемых поступков, можно рассматривать мораль как условие истории. «История, – пишет М. А. Юсим, – предполагает наличие субъектов (индивидов и коллективов), являющихся носителями ценностей или осознающих свою ценность» [10, с. 111]. «С точки зрения ценностного подхода процесс истории представляет собой множество выборов, обусловленных способностью субъектов [морально] оценивать действующие на них факторы» [10, с. 106].

К «внутренней» рефлексии исторического исследования следует отнести и фундаментальный вопрос о смысле истории. Данный аксиологический конструкт, который создается философией истории, предпосылается конкретному исследованию и определяет выводы из него, задает ценностную легитимацию исторического процесса и придает ему целостность. В классической философии смысл истории часто мыслился именно как нравственный смысл. Для Гегеля история характеризовалась «прогрессом в сознании свободы», для В. С. Соловьева – представляла собой процесс нравственного совершенствования.

В современной философии истории смысл истории не сводится к чисто моральному, а связан с собственной фундаментальной ценностью исторического процесса. Такой ценностью выступает «связь времен», непрерывность развития человеческих сообществ в прошлом, порождающая аксиологическую установку на продолжение их существования в будущем. Ее

противоположностью является «распад связи времен» или вовсе «конец времен», т. е. кризис и гибель социального, выраженные в терминах темпоральности. Смысл истории проявляет свою аксиологическую власть, придавая значимость исторически сложившимся нравственным ценностям, и сам становится самой главной ценностью проективной деятельности социального субъекта. Таким образом, понятие смысла истории имеет свою нравственную составляющую. Раскрытие смысла истории и борьба за его реализацию выступает как ценностное отношение, определяющее деятельность исторического субъекта. Для того, чтобы история продолжалась, смысл *должен* быть. Соответственно, формулировка в терминах долженствования делает высказывание моральным: само наличие в истории смысла есть моральное обязательство, как для сообществ, так и историка, который о них пишет. В современной философии, отмечал А. С. Панарин, «смысл истории перемещается из онтологической области, где зрели мифы гарантированной истории, связанной с законами мироздания, в аксиологическую, связанную с тестированием нашей способности преобразовать утвердившуюся в ...обществе систему ценностей» [5]. Смысл истории предстает как практическая нравственная задача действующих исторических субъектов.

«Внешняя» рефлексия в историческом исследовании обращена не к объектам прошлого, а к самому историческому знанию. Она касается «специализированной концептуальной деятельности по изучению исторического познания с позиций определенного идеала научно-исследовательской деятельности, принятого в научном сообществе» [2, с. 32].

Поскольку главной этической ценностью любого научного исследования является установка на поиск истины, то в этой точке научная и моральная составляющая совпадают. Однако, это совпадение не происходит автоматически. Искреннее желание выяснить историческую истину может содержать скрытый, неотрефлексированный моральный пафос и приводить к искажениям той самой истины, которую стремились обрести. Поэтому высокоморальное стремление к научной объективности предполагает столь же высокий профессионализм, квалифицированный подбор научного инструментария и методологическую четкость оснований научного исследования. В этом плане рефлексивность может рассматриваться как обязательная моральная составляющая современного исторического познания, одновременно защищающая его объективность.

Что касается идеалов исследовательской деятельности, принятых в историческом научном сообществе, то они претерпели существенные перемены. «Лингвистический поворот», «постмодернистский поворот», формирование «новой исторической культуры» и самых новых стратегий исторического познания постоянно побуждают к обсуждению методологических проблем [7]. При этом сам переход к новым исследовательским стратегиям вызывает в сообществе историков моральные сомнения, так как радикальные инновации разрушают преемственность исторического знания, которая является его фундаментальной нравственной

ценностью. Таким образом, «внешняя» рефлексия подразумевает и этическую экспертизу исторического знания. В данном случае речь идет не о моральной оценке исторического процесса, а о выдвижении критериев и требований к историческому знанию, которые разрабатываются этикой.

Между тем, этика и сама испытала всевозможные методологические «повороты». В своих неклассических вариантах она реализует и постмодернистскую парадигму плюралистического видения нравственного мира, и дискурсный подход к морали. Поэтому, выявляя моральную составляющую исторической рефлексии, которая строится в рамках определенной методологии, надо мыслить эту составляющую в терминах соответствующего подхода в этике. В противном случае классически фундированная моральная составляющая и неклассическая историческая методология придут в конфликт.

С точки зрения дискурсного подхода, историческая рефлексия имеет не только когнитивную, но и коммуникативную функцию. Производство исторического знания и развитие исторической науки осуществляются субъектом для своих партнеров по коммуникации, в качестве которых выступают не только коллеги по профессии, но и различные общественные группы. В определенном смысле любое историческое повествование – это форма самосознания социального субъекта, поэтому оно воспринимается этим субъектом как обращенное к самому себе. Поэтому смысл исторического исследования воспринимается внутри референтной группы иначе, чем за ее пределами. Например, повествование о великих победах, функционирующее внутри сообщества, укрепляет в нем чувство нравственной правоты. Однако при коммуникации с другими сообществами то же изложение событий будет восприниматься как угроза и свидетельство потенциальной склонности к насилию, т. е. как аморальная установка. Результатом оказывается противостояние и обмен моральными обвинениями, столь характерными при освещении одних и тех же событий разными историческими субъектами. Для преодоления конфликта и повышения взаимопонимания исторический дискурс и его моральная составляющая должны изменить не когнитивные характеристики (отречься от своей правды, исказить факты в угоду «толерантности»), но претерпеть коммуникативные изменения. Это подразумевает создание таких дискурсивных практик, структура которых предусматривала бы не монологическую проповедь своих нормативно-ценностных представлений, предъявление нравственных обвинений, обличение преступлений, а просьбу получить дополнительную информацию о событии, выражение сожаления о несправедливости, ознакомление партнера с собственным историческим и моральным опытом. При этом такая форма морального дискурса как покаяние, сопровождающее негативную моральную оценку собственного прошлого и признание исторической вины, осуществляется только самим сообществом, но не может быть требованием пострадавшей стороны. При дискурсном подходе «внешняя» историческая рефлексия побуждает к правильной организации морального дискурса.

В заключение следует отметить, что наряду с профессиональной рефлексией, историческая культура включает в себя и рефлексивность обыденного исторического сознания. Оно понимает прошлое, соотнося его с настоящим, и настоящее – в контексте прошлого, выполняя функцию самоосмысления социального времени. Моральная составляющая исторического сознания общества очень сильно влияет на характер его рефлексии, однако не является самопрозрачной, ее прояснение является задачей научного сообщества.

Таким образом, методологическая проблема, касающаяся выявления роли моральной составляющей исторической рефлексии имеет определенную структуру. Нравственные установки реализуются на всех этапах исторического исследования: при выборе предмета исследования, отборе материала, его интерпретации и объяснении общего смысла истории. Моральная составляющая исторического исследования проявляется как во внутренней рефлексии историка над материалом, так и во внешней рефлексии над собственными методами исследования. При этом сама моральная составляющая также становится предметом исторического анализа. Моральные нормативно-ценностные установки являются имманентной составляющей как профессиональной, так и обыденной исторической рефлексии.

Литература

1. Гобозов А. И. История и мораль // Философия и общество. 2010. № 1. С. 5–19.
2. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 352 с.
3. Медведева С. М. История и мораль. XII Шишкинские чтения // Вестник МГИМО университета. 2016. № 4(49). С. 286–294.
4. Могильницкий Б. Г. Методология истории // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014. С. 271–274.
5. Панарин А. С. Смысл истории // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2773.html/> (дата обращения: 20.10.2016).
6. Рамазанов С. П. Принципы исторического познания в XIX–XX вв.: тенденция к оптимизации // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 2(6). С. 47–49.
7. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
8. Репина Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2006. 288 с.
9. Силантьева М. В. Ценностный вектор интерпретации исторического знания: за и против // Философия и методология истории: сб. науч. ст.

- VII Всероссийской науч. конф., Коломна, 27–28 апреля 2017 г. / отв. ред. С. Г. Калашников. Коломна, 2017. С. 201–206.
10. Юсим М. А. История и мораль. Ценности и время. Субъективный фактор в истории. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. 386 с.